

Ольга Шо

**ВЫЙДУ ЗАМУЖ ЗА ГЕНЕРАЛА.
ПОСЛЕ РАЗВОДА**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ш78

Ш78 **Шо О.**
Выйду замуж за Генерала. После развода / Ольга Шо – М.: Литнет,
2026. – 268 с.

ISBN 978-5-521-99919-4

Я думала, что худшее в моей жизни — это дорожные пробки, мерзавец-муж и самодур-начальник. Но, когда на моих руках оказался умирающий мальчишка, угодивший под колёса автомобиля, а его отец-генерал вошёл в мою жизнь, я поняла: это только начало.

Я - простой врач. Он — генерал, суровый вдовец, старше меня на двадцать лет.

Я спасла жизнь его сына. А он спас меня от брака, в котором я задохлась.

Разница в возрасте

Всё неслучайно

Новые отношения

ОДНОТОМНИК

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-521-99919-4

© Литнет, 2026
© О. Шо, 2026

= 1 =

Кажется это утро понедельника было обречено с самого его начала. Я поняла это ещё в тот момент, когда, подскочив в кровати, с ужасом уставилась на электронные часы на тумбочке. 7:15.

Семь пятнадцать, чёрт возьми!

Планёрка в отделении гинекологии начиналась ровно в восемь утра, а добираться до работы с другого конца города, где жила моя мама, было целое приключение, достойное прохождения квеста.

В голове тут же стремительно включился секундомер, отсчитывая секунды до неминуемой катастрофы. Вчера был чудесный воскресный день, мамин юбилей, тёплый вечер в кругу семьи, её счастливые глаза и бесконечные разговоры...

Мама пригласила меня в гости. Я не могла не приехать. Всё это заставило меня забыть о реальности. А реальность была жестока: сегодня я опаздываю.

В спешке я бросила в сумочку личные вещи. На ходу застегнула молнию на джинсах, буквально впрыгивая в них. Длинные светлые волосы пришлось наскоро скрутить в тугой узел на затылке. О макияже и речи не шло.

Перед выходом бросила на себя взгляд в зеркало. В нём отразилась испуганная женщина с большими карими глазами и решительно сжатыми губами. «Тамара, ты справишься», – мысленноскомандовала я себе, хватая куртку и вылетая в подъезд.

Улица встретила меня сырым, промозглым воздухом поздней осени. Мелкий, противный дождь моросил ещё с ночи, делая асфальт скользким и опасным. Автобусная остановка была забита народом. Впереди меня ждали несколько пересадок.

Люди, такие же хмурые и заспанные, как и я, смотрели вдаль в надежде увидеть спасительный транспорт. Когда на горизонте показалась маршрутка, я поняла: в эту металлическую коробку

на колёсах набьются всё.

Так и вышло. Меня вжали в дверь спиной, чей-то портфель больно упирался в поясницу, а водитель, словно Шумахер на пенсии, лавировал в пробках, сжигая последние минуты моего времени.

На первой пересадке я выскочила, как пробка из бутылки шампанского. Вторая маршрутка оказалась не лучше первой. В ней пахло бензином и запахом какой-то мокрой псины.

А кондукторша, женщина с недовольным лицом и строго поджатыми губами, долго и нудно объясняла какому-то парню, что его карта «не считывается». Я смотрела на мелькающие за окном дома, на бесконечную вереницу машин и чувствовала, как внутри закипает паника.

Павел Олегович Астахов, наш заведующий, был не просто строгим начальником. Он славился настоящим душегубом. Его любимое занятие – устраивать публичные разносы опоздавшим, выворачивая душу наизнанку так, что хотелось провалиться сквозь землю прямо в кабинете.

Мысль о его самодовольном лице и холодном, колющем взгляде подстёгивала лучше любого кнута.

Наконец, я выбралась из маршрутки на очередной остановке. Нужно пересесть на другую. Иначе такими темпами я никогда не попаду на работу.

До новой цели оставалось метров триста, и, судя по часам на телефоне, у меня была максимум минута, чтобы их преодолеть. Три минуты!

Я рванула с места так, словно за мной гнались все демоны этого города. Ноги в кроссовках месили лужи, холодные брызги летели во все стороны, но я не чувствовала ничего, кроме пульсирующей в висках мысли: «Успеть! Успеть!»

Передо мной возникла дорога. Неширокий проспект, который нужно пересечь, чтобы оказаться на остановке. Пешеходный переход нерегулируемый, простая «зебра», стёртая временем и шинами.

В этот ранний час машин здесь было много. Легковушка проехала, чуть поодаль грузовой фургон с надписью «Продукты» притормаживал.

Я бросила быстрый взгляд налево, потом направо. Вроде бы свободно. Расстояние до спасительной остановки, откуда рукой подать до подъезжающей маршрутки, манило своей близостью. Я уже сделала шаг с тротуара, нацелившись перебежать дорогу, нарушая все правила, как вдруг...

БАХ!

Звук был странный. Глухой, но в то же время резкий. Он не был похож на взрыв, скорее на удар металла о металл, смешанный с хрустом. Этот звук вонзился мне в уши, заставив сердце пропустить удар, а потом забиться где-то под горлом. Я замерла на месте, не закончив шаг.

Всё вокруг будто замедлилось. Я повернула голову на звук и увидела...

В десятке метров от меня, на проезжей части, царил хаос. Белый фургон, тот самый, с продуктами, стоял поперёк полосы, а перед ним, на асфальте, как сломанная кукла, лежал человек. Вернее, мальчишка. Рядом с ним валялся мопед, точнее, то, что от него осталось.

Переднее колесо было неестественно вывернуто и сплющено, пластиковый обтекатель разлетелся на сотни белых осколков, усыпавших дорогу, будто кто-то рассыпал крупную соль. Бензин тёмным маслянистым пятном растекался по мокрому асфальту.

Крик, который вырвался из груди кого-то из прохожих, прорвал пелену тишины. Он был пронзительным, громким, полным ужаса. И тут я увидела кровь. Она не просто текла, она была ключом, стремительно заливая серый асфальт вокруг ноги мальчика. Ярко-алая. Она смешивалась с дождевой водой и бензином, образуя жуткую, пульсирующую лужу, которая росла прямо на глазах. Алая река жизни, стремительно покидающая тело своего хозяина.

Ко второму мальчишке, который, видимо, ехал следом за тем, который угодил под колёса, наконец, вернулся дар речи. Он бросил свой мопед, который с грохотом рухнул на асфальт, и подбежал к другу.

Его лицо было белее мела, глаза, огромные от шока, метались по лицу пострадавшего, по его телу, не в силах остановиться на чем-то одном.

– Вадим! Вадим, вставай! – закричал он, тряся друга за плечо, и в этом крике было столько отчаяния, что у меня сжалось сердце. – Помогите! Кто-нибудь, помогите!

Люди на тротуаре засуетились. Кто-то, закрыв рот руками, отшатнулся. Кто-то, наоборот, побежал к месту аварии.

= 2 =

Мужчина в кожанке уже кричал в трубку, вызывая скорую. А я стояла и смотрела на эту лужу крови. На то, как пульсирует алая струя из разорванной голени.

Ноги мои словно перестали мне подчиняться. Но не для того, чтобы бежать прочь. А для того, чтобы остаться и помочь. Я ведь медик по образованию. И я не могла просто стоять и смотреть, как мальчишка истекает кровью на холодном асфальте. Скорая не успеет. Это же очевидно.

Я сорвалась с места и подбежала к подростку. Опустилась перед ним на колени. Парень, которого его друг назвал Вадимом, был без сознания. Бледный, с синюшным оттенком губ. Но главное – его нога. Чуть ниже колена зияла рваная рана, и оттуда ритмичными толчками, в такт сердцу, выплёскивалась тёмно-алая кровь. Повреждена артерия. Всё ясно. Счёт идёт на секунды.

– Жгут! Нужен жгут! – закричала я, подняв голову и обводя взглядом столпившихся людей. – Ремень, пояс, верёвка, что угодно! Быстро!

Я увидела растерянные, испуганные лица. Время текло, но у меня под рукой почти ничего не было, что могло бы послужить жгутом.

– Да быстрее же! – мой голос сорвался на визг.

Вперёд вышел пожилой мужчина в клетчатой рубашке, видневшейся через его расстёгнутую куртку. Он, не говоря ни слова, одним движением выдернул ремень из своих брюк и протянул мне. Широкий, кожаный, идеальный.

Мои пальцы вмиг обрели стальную уверенность. Я быстро продела ремень под ногой мальчишки, выше раны, нашла пульсирующую артерию в паховой складке, чтобы убедиться, что давяю верно, и затянула ремень с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Кровь перестала бить фонтаном мгновенно. Она лишь сочилась

теперь из раны, но уже не так угрожающе.

Я вздохнула и машинально взглянула на часы. 8:05. Я опоздала на работу. Астахов уже, наверное, с наслаждением открывает рот, чтобы начать свою утреннюю пытку и выкатить претензии коллегам. Но это было так далеко и уже неважно на фоне происходящего.

– Скорая скоро приедет! – крикнул кто-то из толпы.

Но мальчик не дышал. Я положила руку ему на грудь. Тишина. Никакого движения. Шок, потеря крови... Сердце остановилось. Он умирал прямо сейчас, на моих руках, под морозящим дождём.

– Нет, – прошептала я. – Нет, миленький, нет. Тебе нужно жить. И долго.

Я зажала ему нос, запрокинула голову и, прильнув губами к его холодным, синим губам, сделала два выдоха. Его грудная клетка поднялась. Хорошо.

Затем я положила руки ему на грудину, одну на другую, и начала ритмично давить. Тридцать нажатий. Глубоких, сильных, продавливая грудную клетку на пять-шесть сантиметров. Я считала вслух, чтобы не сбиться.

– Раз, два, три, четыре, пять... – счёт отдавался эхом в моей голове.

Пот уже заливал глаза. На моих руках ещё никогда никто не умирал. И не желаю, чтобы этот ребёнок стал первым.

Я слышала, как в толпе кто-то на заднем плане всхлипывал. Как второй мальчишка, его друг, бормотал: «Вадим, очнись».

Я чувствовала, как мои колени немели от холодной воды и грубого асфальта. Снова два вдоха. Снова массаж.

– Давай, парень, не смей! – сквозь зубы шипела я. – Ты слышишь меня? Давай!

Снова нажатия. Мои руки горели огнём, дыхание сбилось. Я уже не надеялась, я просто делала своё дело, превратившись в автомат, качающий кровь.

И вдруг, на очередном нажатии, его тело выгнулось, раздался

страшный, хриплый, рвущий душу звук. Он кашлянул. Судорожно, с хрипом, выплёвывая воздух. А потом его грудь начала подниматься и опускаться сама. Мелко, неровно, но сама!

Я откинулась назад, тяжело дыша, и почувствовала, как по щекам, смешиваясь с дождём, текут слёзы облегчения.

– Живой, – выдохнула я, погладив его по мокрой щеке. – Живой, маленький.

В этот момент, взрывая воздух сиреной, к обочине лихо подрулила машина реанимации. Из машины выскочила бригада: парень и девушка, собранные, быстрые. Я, не вставая с коленей, начала докладывать:

– Мальчик, лет 14-15. ДТП, фонтанирующее артериальное кровотечение из левой голени. Жгут наложен в 8:07, прошло примерно пять минут. Была остановка дыхания и кровообращения. Проведена сердечно-легочная реанимация в течение примерно трёх минут, дыхание восстановлено. Сознание отсутствует.

Врач, тот самый парень, мельком взглянул на меня, на мои окровавленные руки, на ремень, и кивнул. Девушка-фельдшер уже ловко подключала датчики, ставила капельницу.

– Молодец, – коротко бросил он. – Вовремя. Сразу вижу, что вы наша коллега.

– Да, – устало ответила я, – я медик.

Они быстро и слаженно переложили Вадима на носилки и погрузили в машину. Я, шатаясь, поднялась с асфальта. Ко мне подскочил тот самый второй мальчишка. Его трясло как в лихорадке.

– Он будет жить? – спросил он, глядя на меня глазами, полными надежды.

– Скажите, он будет жить? Это я... я крикнул ему, чтобы он обгонял, я думал, фургон далеко...

– Поезжай с ним, – я взяла его за плечи и слегка встряхнула, пытаюсь вернуть его в реальность. – Садись в скорую и поезжай. Ты его друг? Ты нужен ему там. И обязательно найди телефон его

родителей. Позвони им и всё Расскажи. Ты понял меня? — я знаю, что с родителями мальчишки всё равно свяжутся компетентные службы. Но, если можно ускорить это дело, то почему бы и нет.

Он судорожно кивнул, размазывая по лицу слёзы и капли дождя. Побежал к скорой, которая уже захлопывала двери.

Я осталась одна посреди дороги. Машины объезжали место аварии. Люди расходились, перешёптываясь и косились на меня.

Кто-то хлопнул по плечу: «Героиня».

Кто-то, наоборот, смотрел с укоризной, мол, чего лезешь не в своё дело.

Но мне было всё равно. Мои руки были в чужой крови, джинсы промокли насквозь и были безнадежно испорчены, в сумке жалобно звонил телефон. Я посмотрела на часы: 8:27.

Нужно уходить. Потому что скоро здесь будет и полиция. Я горько усмехнулась и медленно побрела в сторону остановки. Я всюду опоздала, но на главное успела.

Сегодня утром я спасла человеку жизнь. И это было правильнее и важнее всех планёрок на свете.